

ПРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ТРАКТОВКИ СМЕРТНОСТИ: РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Левченко И.Е.¹,
Полюшкевич О.А.²

¹ ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, Россия)

² ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия)

Автор, ответственный за переписку:
Полюшкевич
Оксана Александровна,
e-mail: okwook@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Обоснование. Восприятие смертности соответствует просоциальным практикам, определяющим общественное развитие. Соединение инструментов расово-антропологического и социокультурного подходов позволяет выявить универсальные характеристики и трактовки смертности в современном обществе.

Цель исследования. Выявление просоциальных практик и конкретных трактовок смертности через единство и противостояние расово-антропологического и социокультурного аспектов общественного воспроизводства.

Методы. Проведён массовый опрос населения РФ ($n = 1200$) в возрасте от 18 до 65 лет, проживающего в разных регионах РФ (55 % женщин, 45 % мужчин). Выполнен контент-анализ материалов СМИ и сети Интернет на предмет фиксации оценок смерти и смертности в РФ за последние пять лет ($n = 1456$) в публикациях или информационных сообщениях.

Результаты. Воздействие антропологического и социокультурного аспектов проявилось через то, как и что люди думают о смерти, а также то, как бытует смерть в социальном контексте. Личностно-психологический контекст восприятия смерти и смертности, мемориализация мест смерти и социально-экономические и культурно-организационные практики смерти определяют личные и социальные формы трактовки смертности. Контент-анализ материалов СМИ и сети Интернет выявил существенное увеличение объёма и частоты внимания к смерти и смертности. Это вызвано ситуацией с пандемией, а также актуализацией страхов россиян по своему самочувствию и социальным условиям принятия и оценки смерти и смертности.

Заключение. Просоциальные практики, являясь личным опытом переживания и инструментом социального включения в приемлемые нормы поведения, влияют на социокультурные смыслы и антропологические условия восприятия смертности.

Ключевые слова: антропологический подход, социокультурный подход, смерть, смертность, антропосоциология, просоциальные практики, просоциальные трактовки

Статья поступила: 13.03.2022
Статья принята: 18.04.2022
Статья опубликована: 05.07.2022

Для цитирования: Левченко И.Е., Полюшкевич О.А. Просоциальные практики трактовки смертности: расово-антропологический и социокультурный аспекты. *Acta biomedica scientifica*. 2022; 7(3): 64-74. doi: 10.29413/ABS.2022-7.3.8

PROSOCIAL PRACTICES OF MORTALITY INTERPRETATION: RACIAL-ANTHROPOLOGICAL AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

Levchenko I.E.¹,
Polyushkevich O.A.²

¹ Ural Federal University named
after the first President of Russia
B.N. Yeltsin (Mira str. 19, Yekaterinburg
620002, Russian Federation)

² Irkutsk State University
(Karla Marksa str. 1, Irkutsk 664003,
Russian Federation)

Corresponding author:
Oksana A. Polyushkevich,
e-mail: okwook@mail.ru

ABSTRACT

Background. The perception of mortality is consistent with pro-social practices that determine social development. Combining the tools of racial-anthropological and sociocultural approaches makes it possible to identify the universal characteristics and interpretations of mortality in modern society.

Aim of the study: identification of pro-social practices and specific interpretations of mortality through the unity and opposition of the racial-anthropological and socio-cultural aspects of social reproduction.

Methods. A mass survey of the population of the Russian Federation (n = 1200) aged 18 to 65 living in different regions of the Russian Federation (55 % women, 45 % men) was conducted. A content analysis of media and Internet materials was performed to fix estimates of death and mortality in the Russian Federation over the past five years (n = 1456) in publications or informational messages.

Results. The impact of the anthropological and sociocultural aspects was manifested through how and what people think about death, as well as how death exists in a social context. The personal-psychological context of the perception of death and mortality, the memorialization of places of death and the socio-economic and cultural-organizational practices of death determine the personal and social forms of interpretation of mortality. Content analysis of media materials and the Internet revealed a significant increase in the volume and frequency of attention to death and mortality. This is due to the situation with the pandemic, as well as the actualization of the fears of Russians about their well-being and social conditions for accepting and assessing death and mortality.

Conclusion. Prosocial practices, being a personal experience of experiencing and a tool for social inclusion in acceptable norms of behavior, influence sociocultural meanings and anthropological conditions for the perception of mortality.

Key words: anthropological approach, sociocultural approach, death, mortality, anthroposociology, prosocial practices, prosocial interpretations

Received: 13.03.2022
Accepted: 18.04.2022
Published: 05.07.2022

For citation: Levchenko I.E., Polyushkevich O.A. Prosocial practices of mortality interpretation: racial-anthropological and sociocultural aspects. *Acta biomedica scientifica*. 2022; 7(3): 64-74. doi: 10.29413/ABS.2022-7.3.8

ОБОСНОВАНИЕ

Различия рас – это различия культур и цивилизаций, но при этом антропологическая эволюция сообществ строится на физиологических условиях изменения социального пространства, а социокультурная предполагает воздействие норм, ценностей, мировоззрения на восприятие не только жизни, но и смерти, а вместе с тем и смертности как социальной категории. Смертность населения в определённый исторический момент – это точка социальной фиксации личного развития и социальной активности, а также просоциальных практик, способствующих фиксации отношения к смертности как к социальному явлению и антропологической эволюции сообществ.

Антропологический подход предполагает соединение биологического, физиологического и культурного факторов, воздействующих на восприятие смертности. Социокультурный предполагает соединение личностно-мировоззренческого и социально-нормативного регулирования должного восприятия смерти и смертности.

Просоциальные практики – практики поведения людей, ориентированные на адаптацию к новым условиям жизни, на соблюдение не только своих личных, но и социальных интересов других людей. Они могут быть обусловлены показателями как физического и биологического (основа для использования расово-антропологического подхода анализа смерти и смертности), так и морально-этического выживания (основа для социокультурного подхода анализа смерти и смертности).

Авторами рассмотрены различные стратегии оценки смертности [1] и просоциальных практик [2, 3], возникающие в условиях новых форм коммуникации и воспроизводства. Также отдельно рассматриваются особенности включения расово-антропологического и социокультурного подходов изучения смертности в общественном развитии [4–6].

Во Франции в период модерна формирование и развитие расово-антропологического подхода в социальных науках происходило в контексте драматических конфликтов: революций (1830, 1848), противоборства легитимистов, орлеанистов, роялистов, бонапартистов, клерикалов и республиканцев, деятельности тайных радикальных организаций, всплесков анархизма и терроризма, Парижской коммуны (1871), череды отставок правительств (1873–1940) и др., – и трансформаций государственного устройства Франции: Июльская монархия (1830–1848), Вторая республика (1848–1852), Вторая империя (1852–1870) и Третья республика (1870–1940).

Защита «общественной безопасности» обеспечивалась силовой ликвидацией «мятежников» (восста-

ния в Лионе (1831) и Париже (1848, 1871)), применением норм наполеоновского Уголовного кодекса (1810) и специальных законов, фальсифицированным делом Дрейфуса (1894–1906), строгой цензурной политикой и др.

Внешнеполитическая экспансия (итальянские походы (1840–1850-е), Крымская война (1853–1856), безуспешная интервенция в Мексику (1861–1867), горькое поражение во Франко-Прусской войне (1870–1871)), активное участие в колониальной гонке (раздел Африки, Вторая опиумная война (1856–1860), вторжение в Корею (1866), Франко-китайская война (1884–1885)) и Первая мировая война (1914–1918) оказали значительное влияние на социально-демографические процессы в стране (табл. 1) [7].

Постепенно снижался общий коэффициент смертности: 1800-е гг. – 28,0, 1850-е гг. – 23,9, 1880-е гг. – 22,1, 1900-е гг. – 19,8, 1920-е гг. – 17,2 [8]. Но при этом страна пережила несколько крупных эпидемий (холера (1832, 1849), оспа (1870–1875)); от первой пандемии в Новейшее время – испанского гриппа (1918–1920) – скончалось 420 тысяч человек. В Первую мировую войну Франция потеряла более 1 миллиона 380 тысяч солдат и 160 тысяч мирных жителей, в плен были захвачены 557 тысяч воинов [9].

Отметим, что развитие аграрно-индустриальной экономики протекало в сложных условиях (сосуществование парцеллярного и крупного землевладения, затяжная промышленная революция, кризис (1845–1847), «долгая депрессия» (1873–1890) и др.), которые «стимулировали» массовую безработицу, пауперизацию и эмиграцию населения.

В 1884–1896 гг. была проведена реформа, позволявшая устранить недостатки университетского образования (отсутствие автономии, полноты состава, нацеленности на исследовательскую деятельность, прочной связи между профессурой и студенчеством), обусловленные порядками, введенными еще при Наполеоне I [10].

Постепенно Римско-католическая церковь утратила свое влияние, так как правительство осуществило секуляризацию системы образования, медицинских и благотворительных учреждений (1879–1890) и окончательно отделило церковь от государства (1905).

Представители расово-антропологического направления восприняли методологические установки позитивизма и взяли их в свой исследовательский арсенал. Одним из лидеров этого направления являлся Жозеф Артю де Гобино (1816–1882). Он родился в небогатой семье, чья принадлежность к аристократии ставится под сомнение рядом биографов [11, 12]. Хорошее зна-

ТАБЛИЦА 1
НАСЕЛЕНИЕ ФРАНЦИИ (1831–1921), МЛН ЧЕЛ.

Годы	1831	1841	1851	1861	1872	1881	1891	1901	1911	1921
Численность	32,57	34,23	35,78	37,39	36,1	37,41	38,13	38,45	39,19	38,8

TABLE 1
POPULATION OF FRANCE (1831–1921), MILLION PEOPLE

ние немецкого языка позволило ему обучаться в швейцарском колледже; когда его родители развелись, подросток возненавидел мать и остался с отцом. После получения образования Жозеф Артюр перебрался в Париж, где вначале работал в канцеляриях разных учреждений, затем стал журналистом. Знакомство с А. де Токвилем помогло де Гобино устроиться на дипломатическую службу, но успехи на ней были довольно скромными. Его брак распался, на протяжении многих лет он испытывал денежные затруднения, при жизни его труды не получили должного признания у соотечественников. Но в итоге де Гобино оставил заметный след в истории культуры как путешественник, писатель, востоковед, этнолог и социолог.

С точки зрения социально-демографических штудий, наиболее продуктивной была его книга «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855). По признанию самого автора, «движимый привязанностью к живущим людям» и используя индуктивный метод, он «проникал в тайны людей умерших», стремясь «к познанию более глубокого смысла идентичности социальных болезней [...] у всех народов и в прошлом, и в настоящем» [13].

Базовыми для его анализа выступили два принципа:

1) «принцип смерти, лежащий в основе всех наций»: все люди, жившие до нас, умерли, точно так же мы твердо знаем, что сочтены и дни народов. По его мнению, «нравы, законы, институты видоизменяются, искажаются, теряют свою силу и актуальность, но пока хоть что-

то от них остается, здание стоит, в теле живет душа, труп еще движется. Когда первоначальный импульс делает последний вздох, всё заканчивается, ничего не остается, цивилизация умирает;

2) принцип неравенства рас (рис. 1):

Следует учитывать, что понятия «раса» и «нация» нередко отождествлялись в то время; их классификации ещё не были разработаны в должной мере. А. де Гобино выделял три крупных расы (табл. 2).

Исследователь утверждал, что история показывает, что всякая цивилизация берёт начало от белой расы, и ничто не может долго продержаться без её участия, что общество может быть великим и процветающим лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую её благородную группу, и что сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего рода.

В целом можно согласиться с выводом, сделанным Л.Л. Снайдером по поводу «Опытов о неравенстве человеческих рас»: «Хотя работа Гобино была оригинальна и полна возможностей, она страдала от интуитивного мистицизма, противоречий и непоследовательности, которые делают большую её часть неприемлемой для учёных» [14].

Отмеченные недостатки в полной мере были присущи творчеству и другого сторонника расово-антропологической версии социологии – Шарля Жана Мари Летурно (1831–1902). Получив медицинское образование, он защитил докторскую диссертацию (1858) и много лет занимался этнографическими, психологическими и социологическими изысканиями, активно публиковал-

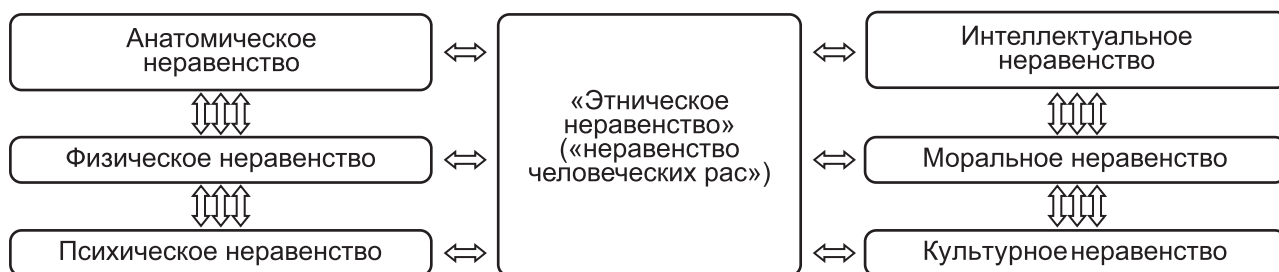

РИС. 1.
Неравенство рас (по А. де Гобино)

FIG. 1.
Inequality of races (according to A. de Gobineau)

ТАБЛИЦА 2
ОТНОШЕНИЕ КРУПНЫХ РАС К ЖИЗНИ И СМЕРТИ
(ПО А. ДЕ ГОБИНО)

Раса	Состав	Отношение к жизни и смерти
Чёрная	(Чёрные) хамиты	Негр «мало дорожит своей жизнью и жизнью другого человека», он «убивает, потому что приходит от этого в экстаз, и приходит в экстаз, потому что убивает»
Жёлтая	Алтайцы, монголы, финны, татары	«Их желания ограничиваются спокойной и, по мере возможности, удобной жизнью. Очевидно, что они стоят выше негров». «Желтокожий убивает бесстрастно, для того, чтобы удовлетворить мимолётную потребность ума»
Белая	Кавказская и семитская расы	Отличаются «необычной любовью к жизни. [...] они лучше умеют пользоваться ею, лучше знают ей цену, поэтому больше дорожат своей и чужой жизнью. Их жестокость, когда она проявляется, ограничена сознанием необходимости определённых пределов, чего не встретишь у чернокожих»

TABLE 2
THE ATTITUDE OF LARGE RACES TO LIFE AND DEATH
(ACCORDING TO A. DE GOBINEAU)

ся и преподавал, возглавлял Парижское антропологическое общество (1886–1902) [15], что позволило включить в его работы социокультурные условия и особенности воздействия на человека и общество.

Его имя оказалось связанным со скандальным самоубийством юной Елизаветы (1858–1875), дочери А.И. Герцена и Н.А. Тучковой-Огарёвой, которая покончила с собой из-за неразделённой любви к зрелому учёному. Трагический случай получил широкий общественный резонанс за рубежом и в России (например, на это событие откликнулись Ф.М. Достоевский, К.П. Победоносцев, И.С. Тургенев и др. [16, 17, 18]).

Укажем, что вместе со своими коллегами Летурно учредил «Общество взаимного вскрытия» (1876), члены которого разрешали после кончины использовать свои тела в научных целях. Тем самым смерть индивида «связывалась» с прогрессом и, следовательно, с вечностью. Для людей, которые отвергали религию, считая похороны отвратительным культовым ритуалом, но не могли вынести полного исчезновения, это предоставляло большое утешение [19].

Уже в своей первой крупной работе «Физиология страстей» (1868) Летурно выделял значимость «питательных и интеллектуальных страстей», воспитания и предрассудков, среди которых вырос человек. По его мнению, «земледельческие классы [...] наиболее подвержены жестоким проявлениям зверских страстей, мщению, гневу и ненависти. У них также часты детоубийства, насилие и отцеубийства» [10]. Он полагал, что аффективные и социальные страсти стимулировали фанатизм Мухаммеда, Лютера, Кальвина, Кромвеля и Савонаролы.

Позднее (1887), отследив эволюцию морали, социолог объяснял врождённой («животной») кровожадностью рода людского ведение войн, жестокое обращение со стариками, больными и детьми. Приводя соответствующие примеры, мыслитель подчёркивал: детоубийство встречается чаще всего и в наиболее чистом виде среди самых низших, наименее умственно развитых и наиболее беспомощных среди человеческих рас.

Летурно резонно пришёл к выводу, что каннибализм в нравственном отношении представляет обстоятельство, отягчающее преступность убийства. Здесь презрение к ближнему доходит до последних пределов: человек сравнивается вполне с дичью или домашним животным. Он различал несколько разновидностей антропофагии (рис. 2).

Изучив историю рабства, учёный установил логику его изменений: раб в начале – запасная убойная скотина, а затем домашнее животное. Но в результате «рабство деморализует» общество.

Придерживаясь материалистических взглядов, он видел причины возникновения религии в том, что «человек не допускает неизбежности естественной смерти, отказывается понимать её и создаёт себе представления о загробной жизни» [20]. Хотя Летурно и отмечал позитивную роль христианства в совершении нравственной революции, гуманизовавшей отношение людей к феноменам рабства, самоубийства и аборта, он считал, что «не следует искать в религиозных концепциях правил, регулирующих нравы».

Опираясь на этнографические данные, Летурно попытался обосновать существование нескольких фаз в развитии человечества (табл. 3).

РИС. 2.
Классификация антропофагии (по Ш. Летурно)

FIG. 2.
Anthropophagy classification (according to C. Letourneau)

ТАБЛИЦА 3
НРАВСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
(ПО Ш. ЛЕТУРНО)

TABLE 3
THE MORAL EVOLUTION OF MANKIND
(ACCORDING TO C. LETOURNEAU)

№ п/п	Фаза	Содержание
1	Животная	«Людоедство есть первородный грех всех человеческих рас. Оно исчезает очень медленно»
2	Дикарская	«Каннибализм ещё нередко сохраняется», он «обнаруживается у человека в припадке ярости, мести, или в области религиозной или юридической; но антропофагия перестаёт уже быть простым, повседневным явлением. Эту вторую стадию характеризует учреждение рабства»
3	Варварская	«Кража, прелюбодеяние, убийство рассматриваются как общественные преступления и строго наказываются. Тем не менее общество покоем ещё на рабстве»
4	Меркантильная	«Рабство и крепостничество были уничтожены, но салиариат, это замаскированное крепостничество, их заменяет. Нравственность и закон строго осуждают убийство, а общественное мнение прославляет убийство во время войны и возбуждает на него»

В прошлом сочинения Летурно были достаточно популярны, но всегда неоднозначно оценивались исследователями (Ковалевский М.М., Плеханов Г.В., Токарев С.А., Шантре Э., Энгельс Ф. и др.), которые нередко упрекали социолога за «обилие фактов и недостаток широких обобщений» [21].

Жорж Ваше де Лапуж (1854–1936), ещё один представитель расово-антропологического направления, родился в семье маркиза, но в 12 лет потерял отца. Он учился в иезуитском колледже, в лицее познакомился с трудами Г. Спенсера и Ч. Дарвина, с золотой медалью окончил юридический факультет университета в Пуатье (1877) и защитил диссертацию, посвящённую наследственному праву (1879). После этого де Лапуж несколько лет проработал в магистрате и прокуратуре в западном и центральном регионах страны. Переехав в Париж, молодой правовед продолжил обучение (1883–1886) и овладел несколькими восточными языками. В дальнейшем он преподавал антропологию в ряде университетов (1886–1909), но вынужден был прекратить профессиональную деятельность из-за обвинений в приверженности к «левым» взглядам и в применении «недозволенных» прикладных методов исследования (раскопки могил, измерение и фотосъёмка останков и тел живых людей). Вплоть до самой пенсии (1922) социолог трудился библиотекарем в Пуатье [22].

Антропосоциологическая теория возникла, по признанию самого автора, под влиянием концепций О. Аммона, Ж. де Гобино, Г. Спенсера, А. Шеффле и др. [23]. Она соединила в себе идеи биологического детерминизма, евгеники, эволюционизма, социального дарвинизма, расового отбора и социализма, наиболее полно изложена в его сочинениях «Социальная селекция» (1896) и «Ариец и его социальная роль» (1899).

Исходя из того, что человек не произошел от обезьяны, Ж. де Лапуж полагал, что «раса – это совокупность особей, имеющих общий определенный наследственный тип. Понятие расы носит зоологический характер» [24]. Социолог на основе археологических, антропологических, этнографических и статистических источников выделял несколько базовых и смешанных рас, давая им антропометрические и психологические характеристики (табл. 4).

В духе О. Конта де Лапуж утверждал: 1) мысли и действия человека основываются на опыте бесчисленного легиона погребённых предшественников. Он впитал в себя всё, что чувствовало, о чём думало, что желало человечество на длинном отрезке родословной; 2) нация – это огромная семья, замкнутая внутри границы страны: живые вместе с умершими и с теми, кому суждено прийти.

Проанализировав процессы модернизации, де Лапуж констатировал состояние социума: война холодная, политическая, религиозная, индустриальная, торговая, которая убивает, как любая другая, не проливая при этом крови, за исключением случаев, когда побеждённые предпочитают суицид медленной смерти из-за нужды, тягот или голода.

В результате он пришёл к пессимистическому футурологическому выводу: содрогаясь при мысли о том, сколько гекатомб человеческих жертв таит в себе будущее. Борьба между претендентами на мировое господство будет долгой и, конечно, беспощадной.

Отвергнув религию и мораль, он порицал христианскую мораль за то, что она стремится быть утешением «во время болезненных кризисов и в час смерти», хотя теперь совершенно ясно, что жизни после смерти не существует. Антропосоциолог сформулировал «провокативный подход»: жизнь существует только за счёт смерти. Чтобы жить – нужно есть, чтобы есть – нужно убивать. При этом он выступал с пронационалистских позиций, ратуя за рождение детей как способ соединения прошлого и будущего, обеспечения бессмертия.

Благодаря Ж. де Лапужу расово-антропологическая теория была применена на практике: биологический расизм получил «подкрепление» в виде концепции зависимости психических качеств, характера людей и их социального положения от формы черепа и величины головного указателя.

Подчеркнём, что расово-антропологические постулаты (рис. 3) неоднозначно воспринимались в академической среде и в обществе, а социокультурные условия – более позитивно (рис. 4). Нам видится необходимость сочетания данных подходов для выявления универсальных детерминант общественного развития через призму восприятия смертности.

ТАБЛИЦА 4
ГЛАВНЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ РАСЫ
(ПО Ж. ДЕ ЛЯПУЖУ)

№ п/п	Название	Антропологическая характеристика	Психологические особенности
1	Homo europaeus	Длинноголовая (долихокефальная), светло-русая и высокорослая	Тщеславная, энергичная, умная, идеалистичная
2	Homo alpinus	Короткоголовая (брахикефальная), темноволосая, темноглазая и малорослая	Консервативная, осторожная и «малогениальная»
3	Homo mediterraneus	Длинноголовая (долихокефальная), черноволосая	Низкие моральные качества

TABLE 4
THE MAIN EUROPEAN RACES
(ACCORDING TO J. DE LAPOUGE)

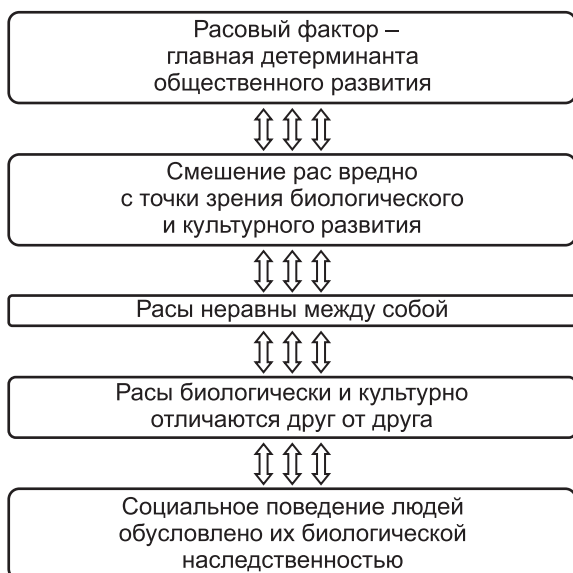

РИС. 3.

Постулаты расово-антропологического направления

FIG. 3.

Postulates of the racial-anthropological direction

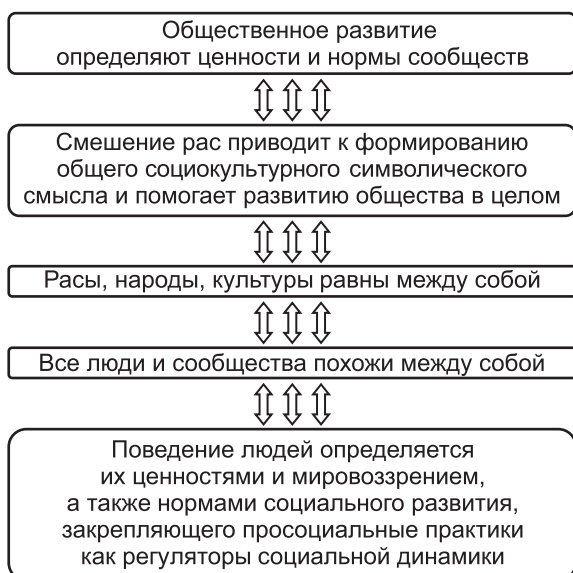

РИС. 4.

Постулаты социокультурного направления

FIG. 4.

Postulates of the sociocultural direction

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявление просоциальных практик и конкретных трактовок смертности через единство и противостояние антропологического и социокультурного аспектов общественного воспроизводства.

МЕТОДЫ

В работе применялись данные системного анализа социально-антропологических и социокультурных явле-

ний общественного развития, а также опросник социального самочувствия, где выделялись антропологические и социокультурные условия развития сообществ. В исследовании приняло участие 1200 человек в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных регионах Российской Федерации (55 % женщин и 45 % мужчин). Также нами проводился контент-анализ материалов СМИ и сети Интернет на предмет фиксации оценок смерти и смертности в РФ за последние 5 лет. Всего проанализировано 1456 публикаций или информационных сообщений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Контент-анализ материалов СМИ и Интернет-ресурсов показал, что за последние 5 лет имеется существенная динамика восприятия смерти и смертности, и приемлемые просоциальные практики, транслируемые через информационные ресурсы как норма, задают контекст и условия приемлемого развития социальной среды. Разделение на расово-антропологические и социокультурные условия восприятия смертности нами осуществлялось по параметрам, заданным рамками самих этих подходов. К расово-антропологическим мы отнесли биологические и физиологические условия восприятия (при контент-анализе рассматривались такие единицы анализа смерти и смертности, как болезнь, экология, физиологические показатели сопротивляемости организма и адаптации к выживанию), к социокультурным – воспроизводимые рамками культурных и социальных норм представления (при контент-анализе рассматривались такие единицы анализа смерти и смертности, как социальное напряжение, войны, терроризм, экономические и политические кризисы) (табл. 5).

Безусловно, пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в оценку информационных сообщений в отношении смертности, и причины смертности смещены с 2020 года в сторону данного заболевания или осложнений после него, но в любом случае являются показательными для понимания общих трансформаций восприятия смертности.

В результате анализа данных установлено, что имеется прямая и обратная зависимость расово-антропологических условий и социокультурных предпосылок восприятия смертности (расово-антропологические условия влияют на социокультурные и наоборот). Просоциальные практики в этом случае выступают маркерами признания важности влияния внешних факторов на культурный контекст и условия выживания людей. В то же время выбор жизненного пути, ценностей и норм влияет на конкретный характер восприятия жизни и смерти.

Общество – это не просто биологическое определение совокупности людей, а пласт саморазвивающейся системы, которая позволяет видеть грани и границы жизни и смерти и восприятия смертности как социального явления. Поэтому при анализе ответов респондентов мы раскрывали смертность как категорию фиксации смыслов жизни конкретного человека и всего общества, несмотря на то, что разговор о смерти не является распространённой темой для обсуждения. Тема смерти чаще обсуждается

ТАБЛИЦА 5
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СМИ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ПО ВОСПРИЯТИЮ СМЕРТИ И СМЕРТНОСТИ

TABLE 5
CONTENT ANALYSIS OF MEDIA MATERIALS AND INTERNET RESOURCES ON THE PERCEPTION OF DEATH AND MORTALITY

Объекты и формы анализа		2017	2018	2019	2020	2021
Частота внимания	СМИ	57	42	44	124	156
	Интернет	153	164	188	199	214
Объём внимания	СМИ	66	79	113	156	198
	Интернет	155	188	235	342	375

ТАБЛИЦА 6
ЧАСТОТА ФИКСАЦИИ ВНИМАНИЯ НА ТЕМЕ СМЕРТИ И СМЕРТНОСТИ В СМИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ (%)

TABLE 6
FREQUENCY OF ATTENTION ARRESTING ON THE TOPIC OF DEATH AND MORTALITY IN THE MEDIA AND THE INTERNET (%)

Регулярность внимания	2017	2018	2019	2020	2021
Каждый день	25,5	26,9	29,5	27,5	22,5
Несколько раз в неделю	37,7	41,1	49,8	44,2	46,5
Несколько раз в месяц	31,2	25,4	14,7	21,1	22,9
Несколько раз в год	4,4	5,5	4,7	3,5	3,9
Никогда	1,2	1,1	1,3	2,2	2,5
Не помню	–	–	–	1,5	1,7

ТАБЛИЦА 7
ПАРАМЕТРЫ РЕАКЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ СМЕРТИ И СМЕРТНОСТИ

TABLE 7
PARAMETERS OF REACTION AND PERCEPTION OF DEATH AND MORTALITY

Параметры	Пол	Среднее	Стандартное отклонение	F-критерий Фишера	p
Тревожность	жен.	14,4	5,6	28,1	0,05
	муж.	15,9	4,4		
Депрессивность	жен.	21,4	4,4	14,5	0,003
	муж.	18,9	4,5		
Страх	жен.	21,2	4,7	35,3	0,05
	муж.	23,5	4,7		
Безразличие	жен.	23,4	3,5	9,6	0,006
	муж.	22,1	3,7		
Сопереживание	жен.	14,5	4,6	6,5	0,007
	муж.	13,6	3,7		
Активность	жен.	15,6	5,2	3,4	0,003
	муж.	14,4	5,6		

в СМИ и Интернете, но она не является общераспространённой. Тему смерти и смертности как явления избегают.

В общественном сознании и личных коммуникациях мы блокируем эту тему, однако в СМИ очень много сюжетов о смерти, терроризме, поскольку люди хотят

их смотреть. Тема смерти непредсказуема и загадочна, но есть проблематизация через приближение и восприятие смертности. В таблице 6 представлены данные о том, как часто респонденты видят тему смерти и смертности в СМИ и сети Интернет.

Таблица 7 содержит параметры социально-психологической и общественной реакции на смерть и смертность.

Как видно из таблицы, страх более выражен среди мужчин ($F = 35,3$ при $p = 0,05$), как и депрессивность ($F = 14,5$ при $p = 0,003$) и активность ($F = 3,4$ при $p = 0,003$); для женщин более значимы тревожность ($F = 28,1$ при $p = 0,05$), безразличие ($F = 9,6$ при $p = 0,006$) и соперничество ($F = 6,5$ при $p = 0,007$). Таким образом, смертность – это явление, которое обусловлено социокультурно, но расово-антропологические условия выступают приоритетной нормой, регламентирующей и так неширокий выбор восприятия смерти и смертности в конкретном сообществе или обществе целом.

Анализируя тематику публикаций, а далее и материалов анкетирования, мы пришли к выводам об ограниченном тематическом круге смерти и смертности как социального явления, который фиксируется и транслируется в СМИ и сети Интернет, влияя на обывателей, а потом воплощаясь в конкретных просоциальных практиках. На основе этого выделили ключевые темы смертности.

1. Восприятие себя (личностно-идентификационный уровень). Как человек умирает? Человек гораздо раньше умирает социально, чем физиологически. Это стало актуально, когда продолжительность жизни возросла, а несчастные случаи минимизировались. После 45 лет становится более актуальна тематика разговоров о смерти и, следовательно, переосмысление жизни и её смыслов.

Среди россиян только 16,2 % думают и говорят об этом. Среди лиц старше 45 лет таких разговоров в три раза больше, чем среди тех, кто младше этого возраста. Чаще поводами для данных мыслей являются уход из жизни близких (как жизнь будет проходить без них?), болезни и ограничение возможностей организма. Вопросы проекции на себя лично того, как человек умирает, в два раза чаще задаются люди, имеющие высшее образование и более высокий социально-профессиональный уровень. Вероятно, уровень рефлексии и осознанности определяет то, какие смысложизненные ориентиры определяют значимые и актуальные перспективы развития.

2. Ритуалы смерти и смертности. Данные практики больше изучали антропологи, этнографы – они выявили те нормы, следуя которым, реализуется сама социально одобряемая практика смерти (то, что закреплено на культурном уровне и определяет духовные связи и смыслы деятельности).

Более половины респондентов (52,4 %) были когда-либо включены в данные практики. Чаще фигурирует формально-экономический подход (участие в организации похорон (финансово и организационно), присутствие в ритуальном зале и т. д.).

Просоциальные практики в данном аспекте закреплены через формально-экономические и культурно-традиционные связи.

Индустрия погребения олицетворяет это пространство социального развития. Экономика смерти развита в нашем обществе (задействован большой капитал). Это отражается в том, сколько стоят похороны близких людей, покупка гроба, венков, цветов, организация по-

минального стола и прочие традиционные практики, сегодня в 80 % случаев организуемые специальными сервисами и службами, а не лично родственниками и друзьями ушедших.

Большая часть опрошенных (78,3 %) считает эти процессы приемлемыми и правильными, так как это помогает пережить горе утраты, не тратя силы на организационные процессы. Традиционно же личное участие родственников в погребении обеспечивало социально-психологическую преемственность и трансформацию социальных ролей для всех членов семьи.

Также теряет свою значимость, но пока всё ещё остаются важным элементом просоциальных практик ритуалы оплакивания, провожания, воспоминаний (семейные альбомы, разговоры с близкими). Для 36,5 % опрошенных это значимое социальное взаимодействие.

Иными словами, участие в практиках смерти и оценивание смертности как социального явления позволяют констатировать, что с личностно-психологического уровня эта сфера социальной коммуникации переходит на социально-организационный, где всё ещё действуют традиционные нормы. Однако последние становятся формальными ритуалами, а не личными инсайтами и ритуалами перехода не только для умерших, но и для живых, получивших новые статусы и смыслы своей жизни.

3. Меморизация быстрой смерти. Это ещё один социальный смысл практик смертности. Например, это выражается в установке вдоль дорог памятников или знаков, указывающих на то, что в том или ином месте погиб человек. Или же, если погибали группы людей (в авто-, авиа-, железнодорожных катастрофах), возникают мемориалы памяти, которые заставляются цветами, плакатами. В данном случае активизируется как личное переживание и готовность включаться в приемлемые просоциальные практики (особенно если погибли близкие или знакомые люди), так и форма социального диалога с различными институтами (кто виноват в трагедиях?). Об этом говорила практически половина всех респондентов (52,7 %).

Рассматривая эти явления, мы можем сказать, что восприятие смертности более чётко определяется не столько через факты самой смерти людей, а через восприятие факта несправедливости смерти, и в данной ситуации включается поиск виноватых (социальный подтекст). При анализе материалов СМИ и сети Интернет были выявлены те же тематические блоки восприятия смерти и смертности.

ВЫВОДЫ

Итак, представители расово-антропологического направления, с одной стороны, основываясь на позициях биологического редукционизма, упрощённо трактовали процесс «вырождения» человеческих рас; с другой стороны, они способствовали освоению социологами прикладных методов исследования. Разработка проблемы смертности свидетельствует о том, что новое поколе-

ние социологов признавало контовский принцип взаимосвязи живых и мёртвых, однако проведённые исследования отличает неубедительность исходных теоретических постулатов.

Эту конструкцию дополняет социокультурный подход, раскрывающий системный взгляд на универсальные принципы воспроизводства социальных систем, а также социальных процессов интеграции через социальные практики. Смертность как конечное явление ставит приоритеты в личном и социальном развитии, так как предполагает следование истерическим, культурным, духовным условиям общественного взаимодействия, актуального для определённого сообщества в конкретном времени.

Антропологические условия смертности противостоят социокультурным символическим смыслам, которые определяют поведение людей и наполняют смыслом их просоциальные практики. Смерть и смертность перестают быть только физиологическим актом; в любой культуре они несут смыслы, раскрывающие повседневность сообщества и его членов.

Выявленные условия прямой и обратной связи расово-антропологических и социокультурных аспектов определяют условия и механизмы восприятия смертности. В нашей культуре траур и скорбь не могут быть вечными, но память о смерти и явлении смертности выявляет ключевые просоциальные практики, выделяющие ключевые символы на первые места.

Чем старше человек, тем больше тема смертности волнует людей. Это формализуется через восприятие себя в условиях смерти, включённость в приемлемые в обществе ритуалы смерти и смертности и мемориализацию смерти в формальных действиях.

Конфликт интересов

Авторы данной статьи заявляют об отсутствии конфликта интересов. Статья ранее не публиковалась. Авторы гарантируют достоверность данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левченко И.Е. Расово-антропологические трактовки смертности. *Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов*. Иркутск: ИГУ; 2021: 86-92.
2. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе. *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции*. Вологда; 2021: 20-23.
3. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали. *Гуманитарный вектор*. 2021; 16(5): 50-58. doi: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58
4. Зубов А.А. Проблема термина «раса» и расовых классификаций в современной физической антропологии. *Этнографическое обозрение*. 1996; 1: 15-24.
5. Новикова О.В. Раса как социальный конструкт и расизм как философская проблема. *Проблема соотношения*

естественного и социального в обществе и человеке. 2021; 12: 98-105.

6. Скворцов Н.Г. Этничность, раса, способ производства: неомарксистская перспектива. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998; 1(1): 53-71.
7. Mitchel BR. *European historical statistics, 1750–1988*; 3rd ed. New York: Stockton Press; 1992.
8. Миронов Б.Н. *Российская модернизация и революция*. СПб.: Дмитрий Буланин; 2019.
9. Эрлихман В.В. *Потери народонаселения в XX веке: справочник*. М.: Русская панорама; 2004.
10. Козлов С.Л. Эволюция французской образовательной модели в XIX веке. *Отечественные записки*. 2013; 4: 60-84.
11. Артамошин С.В. *Идейные истоки национал-социализма*. Брянск: Издательство Брянского государственного университета; 2002.
12. Клейн Л. Расизм и «психология народов». *Развитие личности*. 2009; 4: 57-89.
13. Де Гобино Ж.А. *Опыт о неравенстве человеческих рас*; пер. с фр. М.: Олма-пресс; 2001.
14. Snyder LL. *Race. A history of modern ethnic theories*. New York – Toronto: Longmans, Green and Co, Alliance Book Corporation; 1939.
15. Chantre E. Notice nécrologique de Charles Letourneau. *Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon*. 1902; 21: 119-124.
16. Гершензон М.О. (сост.). *Архив Огаревых*. М.: Юрайт; 2018.
17. Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений*; в 15 томах. СПб.: Наука, 1984; 13.
18. Желвакова И.А. Лиза Герцен. *Литературное наследие*. 1997; 99(2): 544-555.
19. Летурно Ш.Ж. *Нравственность. Развитие её с древнейших времен и до наших дней*. СПб.: Книгоиздательство Н.С. Аскариханова; 1909.
20. Критика и обозрение. *Этнографическое обозрение*. 1896; 2-3: 266-269.
21. Hecht JM, Vacher de Lapouge and the rise of Nazi science. *J Hist Ideas*. 2000; 61(2): 285-304.
22. Vacher de Lapouge G. The fundamental laws of anthroposociology. *Journal of Political Economy*. 1897; 6(1): 54-92.
23. Vacher De Lapouge G. *Les selections sociales*. Paris: Librairie Thorin & Fils; 1896.
24. Де Лапуж Ж. *Ариец и его социальная роль*; пер. с фр. М.: Кучково поле; 2014.

REFERENCES

1. Levchenko IE. Racial-anthropological interpretations of mortality. *Global'nye i regional'nye vozdeystviya v sisteme sovremennykh obshchestv: sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk: IGU; 2021: 86-92. (In Russ.).
2. Polyushkevich OA. Prosocial behavior in a post-pandemic society. *Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie v zerkale sotsiologicheskikh izmereniy: Materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii*. Vologda; 2021: 20-23. (In Russ.).
3. Polyushkevich OA. Modern reading of the sociology of morality *Humanitarian Vector*. 2021; 16(5): 50-58. (In Russ.). doi: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58

4. Zubov AA. The problem of the term "race" and racial classifications in modern physical anthropology. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1996; 1: 15-24. (In Russ.).
5. Novikova OV. Race as a social construct and racism as a philosophical problem. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke*. 2021; 12: 98-105. (In Russ.).
6. Skvortsov NG. Ethnicity, race, mode of production: A neo-Marxist perspective. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 1998; 1(1): 53-71. (In Russ.).
7. Mitchel BR. *European historical statistics, 1750–1988*; 3rd ed. New York: Stockton Press; 1992.
8. Mironov BN. *Russian modernization and revolution*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin; 2019. (In Russ.).
9. Erlikhman VV. *Population loss in the 20th century: handbook*. Moscow: Russkaya panorama; 2004. (In Russ.).
10. Kozlov SL. Evolution of the French educational system in the 19th century *Otechestvennye zapiski*. 2013; 4: 60-84. (In Russ.).
11. Artamoshin S.V. *The ideological origins of National Socialism*. Bryansk: Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta; 2002. (In Russ.).
12. Klejn L. Racism and cultural psychology. *Personal Development*. 2009; 4: 57-89. (In Russ.).
13. De Gobineau JA. *An essay on the inequality of the human races*. Moscow: Olma-press; 2001. (In Russ.).
14. Snyder LL. *Race. A history of modern ethnic theories*. New York – Toronto: Longmans, Green and Co, Alliance Book Corporation; 1939.
15. Chantre E. Notice nécrologique de Charles Letourneau. *Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon*. 1902; 21: 119-124.
16. Gershenzon MO. (comp.). *Archive of the Ogarevs*. Moscow: Yurait; 2018. (In Russ.).
17. Dostoevsky FM. *Collected works*; 15 volumes. Saint Petersburg: Nauka, 1984; 13. (In Russ.).
18. Zhelvakova IA. Lisa Herzen. *Literaturnoe nasledstvo*. 1997; 99(2): 544-555. (In Russ.).
19. Letourneau CJ. *Moral. Its development from ancient times to the present day*. Saint Petersburg: Knigoizdatel'stvo N.S. Askarkhanova; 1909. (In Russ.).
20. Criticism and review. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1896; 2-3: 266-269.
21. Hecht JM, Vachery de Lapouge and the rise of Nazi science. *J Hist Ideas*. 2000; 61(2): 285-304.
22. Vacher de Lapouge G. The fundamental laws of anthroposociology. *Journal of Political Economy*. 1897; 6(1): 54-92.
23. Vacher De Lapouge G. *Les selections sociales*. Paris: Librairie Thorin & Fils; 1896.
24. De Lapouge G. *The Aryan: His social role*. Moscow: Kuchkovo pole; 2014. (In Russ.).

Сведения об авторах

Левченко Илья Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политических наук, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», e-mail: ilevchenko08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3619-4797>

Полушкевич Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», e-mail: okwook@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

Information about the authors

Ilya E. Levchenko – Cand. Sc. (Philos.), Docent, Associate Professor at the Department of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, e-mail: ilevchenko08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3619-4797>

Oksana A. Polyushkevich – Cand. Sc. (Philos.), Docent, Associate Professor at the Department of State and Public Administration, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, e-mail: okwook@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

Статья опубликована в рамках Международной научно-практической конференции «Взаимосвязь глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: трансформации социальных пространств, социально-демографические изменения и пандемические процессы»